

шіи Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 25 ноября 1906 года за № 355, по ходатайству Высочайше учрежденной при Святѣйшемъ Синодѣ комисіи по разбору и описанію синодальнаго архива *объ утвержденіи проэкта правилъ пересылки рукописей и книгъ изъ одного учрежденія въ другое.*— Приказали: Предсѣдателемъ Высочайше учрежденной при Святѣйшемъ Синодѣ комисіи по разбору и описанію синодальнаго архива, ординарнымъ академикомъ Соболевскимъ составленъ проэктъ правилъ пересылки рукописей и книгъ изъ одного учрежденія въ другое. Проэктъ былъ разосланъ для отзывовъ въ главнѣйшія рукописныя и книжныя хранилища духовнаго вѣдомства: духовныя академіи, синодальную (бывшую патриаршую) бібліотеку, бібліотеку Московской синодальной типографіи и бібліотеку Свято-Троицкой Сергіевой лавры. Большинствомъ отзывовъ проэктъ одобренъ или безусловно, или съ незначительными замѣчаніями. По исправленіи проэкта, согласно упомянутымъ замѣчаніямъ, Высочайше учрежденная при Святѣйшемъ Синодѣ комисія по разбору и описанію синодальнаго архива ходатайствуетъ объ утвержденіи составленнаго академикомъ Соболевскимъ проэкта правила пересылки рукописей и книгъ, въ его дополненномъ видѣ, и о признаніи сихъ правилъ обязательными для всѣхъ книгохранилищъ вѣдомства Святѣйшаго Синода, не исключая Московской патриаршей бібліотеки и бібліотеки Свято-Троицкой лавры, такъ какъ предлагаемыя правила предусматриваютъ всѣ тѣ случаи, ради которыхъ даны были запретительные о высылкѣ рукописей указы. вмѣстѣ съ тѣмъ, комисія проситъ, по утвержденіи правилъ, напечатать оныя и разослать какъ во всѣ вышеназванныя бібліотеки, такъ и во всѣ древлехранилища, духовныя консисторіи, духовныя семинаріи, а сверхъ того—въ Московскую епархіальную бібліотеку, Московскій единовѣрческій монастырь (на Преображенскомъ кладбищѣ), Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь, Кіево-Печерскую лавру, Кіево-Софійскій соборъ и въ Нилову Столбенскую пустынь. Вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію Высочайше учрежденной комисіи для разбора и описанія синодальнаго архива относительно проэкта правилъ пересылки рукописей и книгъ и признавая выработанныя правила вполнѣ цѣлесообразными

и соответствующими требованіямъ науки и жизни, Г. Синодальный Оберъ-Прокуроръ предлагаетъ о семь Святѣйшему Синоду. Выслушавъ изложенное и признавая, съ своей стороны, составленныя академикомъ Соболевскимъ „Правила пересылки рукописей, книгъ и документовъ изъ одного учрежденія въ другое“ цѣлесообразными и соответствующими требованіямъ науки и жизни, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердивъ эти правила къ исполненію, предоставить лицамъ и учрежденіямъ духовнаго вѣдомства впредь, при пересылкѣ рукописей изъ одного учрежденія въ другое, руководствоваться сими правилами“.

Правила пересылки рукописей, книгъ и документовъ изъ одного учрежденія въ другое.

1) Книгохранилища вѣдомства Святѣйшаго Синода разныхъ наименованій (Архивъ Святѣйшаго Синода, Московская Синодальная библіотека, библіотека Московской Синодальной типографии, библіотеки духовныхъ академій, духовныхъ семинарій и монастырей, епархіальныя библіотеки и древлехранилища консисторій и т. п.) доставляютъ другъ другу и книгохранилищамъ другихъ вѣдомствъ всѣ требуемыя отъ нихъ рукописи, печатныя книги, архивныя дѣла, документы и проч., которыя въ нихъ имѣются и которыми въ нихъ во время требованія никто не пользуется.

2) Отказъ въ доставленіи можетъ послѣдовать отъ книгохранилища лишь въ исключительныхъ случаяхъ: а) если требуемый предметъ представляетъ чрезвычайную цѣнность по древности (какъ Святославовъ Сборникъ 1073 года) или по матеріалу (какъ книги въ драгоцѣнныхъ окладахъ) и б) если состояніе требуемаго предмета таково, что онъ легко можетъ пострадать даже при самой тщательной упаковкѣ (ветхость и т. п.). Сверхъ того книгохранилище можетъ отказать условно: 1) если требуемый предметъ нуженъ въ самомъ этомъ книгохранилищѣ (впредь до минованія въ немъ нужды) и 2) если требуется одновременно въ одно и то же книгохранилище очень большое число предметовъ (впредь до ограниченія ихъ числа).

3) Книгохранилище—заемщикъ обязано сохранять вытребованный предметъ въ полной безопасности отъ огня и другихъ случайностей.

4) Оно отвѣчаетъ за всякій ущербъ, который можетъ быть

причиненъ предоставленному въ его пользованіе предмету, и, въ случаѣ утраты, должно возмѣстить его стоимость, какъ таковая опредѣлена книгохранилищемъ—собственникомъ при отправкѣ.

5) Книгохранилище—заемщикъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы вытребованный предметъ былъ возвращенъ въ книгохранилище—собственникъ въ той же упаковкѣ, которая была признана необходимою при отправкѣ предмета книгохранилищемъ—собственникомъ (холстъ, кожа, ящикъ и т. п.) и въ срокъ, опредѣленный этимъ послѣднимъ.

6) Въ случаѣ требованія, книгохранилище—заемщикъ обязано принять на себя всѣ расходы книгохранилища — собственника по упаковкѣ, страхованію и пересылкѣ предмета.

7) Книгохранилище—собственникъ, отправляя предметъ, обязано доставить книгохранилищу — заемщику описаніе этого предмета (число листовъ рукописи или дѣла, число миниатюръ въ иллюстрированной рукописи, полное названіе и число томовъ печатной книги, присутствіе или отсутствіе переплета и т. п.) съ указаніемъ главныхъ поврежденій (если таковыя имѣются).

8) Книгохранилище—собственникъ имѣетъ право: 1) опредѣлить стоимость отправляемаго предмета, 2) застраховать этотъ предметъ по собственной оцѣнкѣ на почтѣ, въ страховомъ обществѣ, транспортной конторѣ и т. п. и 3) воспользоваться для отправки почтою, желѣзною дорогою, транспортной конторою и т. п. по своему усмотрѣнію.

9) Книгохранилище—собственникъ имѣетъ право поставить книгохранилищу—заемщику, какія найдетъ нужнымъ, условія пользованія предметомъ (чтобы предметъ не былъ выносимъ изъ стѣнъ книгохранилища—заемщика, чтобы предметъ былъ предоставленъ въ пользованіе только извѣстному лицу и т. п.)“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

VIII. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собранія Совѣта Академіи 6-го февраля сего 1907 года:

а) за № I: „1907 г. Февр. 10. Священникъ Рождественскій утверждается исправляющимъ должность доцента по кафедрѣ Гомилетики и исторіи проповѣдничества“.

б) за № 2: „1907 г. Февр. 28. По ст. XVI. Согласенъ и нынѣ же вхожу съ таковымъ ходатайствомъ. Прочее смотрѣно“.

Справка: Въ ст. IX журнала № 2-й изложено было ходатайство Совѣта Академіи предъ Его Высокопреосвященствомъ объ увольненіи экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ русской церковной исторіи *С. И. Смирнова*, согласно его прошенію, отъ занимаемой имъ должности лектора французскаго языка и объ опредѣленіи на означенную должность и. д. доцента Академіи по кафедрѣ греческаго языка и его словесности *Д. Г. Коновалова*.

Опредѣлили: Принимая резолюцію Его Высокопреосвященства по отношенію къ постановленію Совѣта Академіи отъ 6 февраля 1907 года, изложенному въ справкѣ, въ утвердительномъ смыслѣ,—считать экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова* уволеннымъ, а и. д. доцента *Д. Г. Коновалова* утвержденнымъ въ должности лектора французскаго языка съ 28 февраля сего 1907 года, о чемъ, равно какъ и объ утвержденіи священника *Д. В. Рождественскаго* исправляющимъ должность доцента по кафедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества—внести въ формулярные о службѣ ихъ списки и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

IX. Письмо Г. Почетнаго Члена Академіи, Товарища Предсѣдателя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ Имени Императора Александра III, Тайнаго Совѣтника, *Ивана Егоровича Забѣлина*:

„Почтительнѣйше приношу Высокочтимому Совѣту Московской Духовной Академіи мою въ словахъ невыразимую глубочайшую благодарность за дарованіе мнѣ великой почести именоваться Почетнымъ Членомъ Академіи, озарившей новымъ свѣтомъ мои посильныя усердныя работы“.

Опредѣлили: Письмо хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

X. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1907 года, изъ которыхъ видно, что:

1) въ февралѣ мѣсяцѣ—а) по болѣзни: ординарный профессоръ *А. И. Введенскій* и и. д. доцента и лекторъ англійскаго языка *И. М. Громогласовъ* опустили по 8 лекцій, экстраорди-

нарный профессор С. И. Смирновъ—4 лекціи, временный преподаватель—заслуженный ординарный профессор П. И. Цвѣтковъ, заслуженный ординарный профессор Н. А. Заозерскій, экстраординарный профессор И. Д. Андреевъ, доцентъ А. И. Покровскій и и. д. доцента Ѳ. М. Россейкинъ—по 2 лекціи; б) *по домашнимъ обстоятельствамъ*: и. д. доцента и лекторъ англійскаго языка И. М. Громогласовъ и и. д. доцента Д. Г. Коноваловъ—по 4 лекціи и экстраординарный профессор Н. Г. Городенскій — 2 лекціи; в) *по нахожденію въ отпускъ*—экстраординарный профессор А. А. Спасскій—10 лекцій; ¹⁾ г) *по случаю исполненія обязанностей присяжнаго застѣдателя въ окружномъ судѣ*—экстраординарные профессора А. П. Шостыинъ и И. В. Поповъ—по 4 лекціи.

2) *въ мартъ мѣсяцѣ*—а) *по болѣзни*: ординарный профессор А. И. Введенскій опустилъ 6 лекцій, ординарный профессор М. М. Тарѣевъ и и. д. доцента Е. А. Воронцовъ—по 4 лекціи и экстраординарный профессор А. П. Голубцовъ—2 лекціи; б) *по домашнимъ и семейнымъ обстоятельствамъ*: и. д. доцента и лекторъ англійскаго языка И. М. Громогласовъ—8 лекцій, и. д. доцента Д. Г. Коноваловъ и священникъ Д. В. Рождественскій—по 4 лекціи, и заслуженный ординарный профессор Н. А. Заозерскій—1 лекцію; в) *по нахожденію въ отпускъ*: экстраординарный профессор А. А. Спасскій—2 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомость записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

XI. Отзывы о сочиненіи экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи, магистра богословія, А. А. Спасскаго подъ заглавіемъ: „Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ (въ связи съ философскими ученіями того времени). Томъ первый: Тринитарный вопросъ (исторія ученія о Св. Троицѣ)“. Сергіевъ Посадъ, 1906 г., представленномъ на соисканіе ученой степени доктора церковной исторіи:

а) Инспектора Академіи—заслуженнаго ординарнаго про-

---

¹⁾ Двухмѣсячный отпускъ для возстановленія разстроенаго здоровья разрѣшенъ быть экстраординарному профессору А. А. Спасскому резолюціею Егс Высокопреосвященства отъ 9 февраля 1907 года за № 641.

фессора по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта.
М. Д. Муретова:

„Книга проф. Спасскаго, предваряясь во введеніи (стр. 1—127) изложеніемъ ученія о Св. Троицѣ въ первые три вѣка (Апологеты, Иринеи, Монархіанство конца 2-го и начала 3-го вѣка, Оригенъ и Савелліанство), занята обзорѣніемъ исторіи тринитарнаго вопроса въ 4-мъ вѣкѣ и состоитъ изъ слѣдующихъ частныхъ отдѣловъ: 1) начальная стадія арианскихъ движеній (стр. 131—200), 2) первый вселенскій соборъ въ Никее и его ближайшіе результаты (стр. 201—274), 3) антиникейская коалиція въ борьбѣ ея противъ никейцевъ (стр. 275—380), 4) новыя догматическія партіи, возникшія изъ распадѣнія антиникейской коалиціи, и постепенное объединеніе ихъ подъ главенствомъ оміевъ (стр. 351—414), 5) догматическія движенія въ царствованіе Юліана и Ювіана (стр. 414—454), 6) состояніе догматическихъ партій въ правленіе Валентиніана и Валента (стр. 454—478), 7) каппадокійцы и ихъ теологія (стр. 478—567), 8) завершительные результаты тринитарныхъ споровъ въ царствованіе Θεодосія Великаго (стр. 568—652). Дальнѣйшія подробности содержанія книги, въ виду предваряющихъ отдѣлы и повторенныхъ въ концѣ книги подробныхъ оглавленій, нахожу лишними.

Освобождая, затѣмъ, себя отъ подробно-всесторонняго и научно-объективнаго разбора книги, ограничиваюсь предѣлами возложенной на меня обязанности дать оффиціальныи отзывъ о ней, только какъ о докторской диссертациі, и оцѣнкою ея только съ этой одной точки зрѣнія на нее.

Для сей цѣли нахожу нужнымъ отмѣтить слѣдующія особенности книги:

1) Со стороны *содержанія*. Авторъ беретъ не отдѣльную личность, не одно какое частное явленіе, литературный памятникъ для подробнаго и всесторонняго изученія, но обзрѣваетъ исторію цѣлой вѣковой эпохи, самой важной и самой обильной по своимъ послѣдствіямъ для христіанства, притомъ въ ея главнѣйшей и наиболѣе трудной для научной обработки сторонѣ—догматическіе споры о Св. Троицѣ и движенія по поводу этихъ споровъ въ христіанскомъ востокѣ и западѣ, ставя эти споры и движенія въ генетическую связь съ исторіей ученія о Св. Троицѣ въ первые три вѣка христіанства и даже еще далѣе назадъ раздвигая истори-

ческую перспективу до Филона, стоиковъ, Аристотеля и Платона. За исключеніемъ двухъ, сравнительно очень небольшихъ, трактатій (о сочиненіи Псевдо-Василія Великаго о Святомъ Духѣ, стр. 523—537, и о константинопольскомъ символѣ вѣры, стр. 588—628, гдѣ авторъ, вопреки Хорту и Гарнаку и слѣдуя въ общемъ проф. Лебелеву, со всею основательностью доказываетъ подлинность символа и его принадлежность константинопольскому собору 381-го года), авторъ на всемъ протяженіи своего обширнаго труда нигдѣ не вдается въ спеціальныя разработки частныхъ и побочныхъ сторонъ предмета, но повсюду сосредоточивается на общихъ характеристикахъ эпохъ, лицъ, воззрѣній, на выясненіи предметственной связи и логическаго движенія идей, иногда на раскрытіи нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій того или другого хода догматическихъ споровъ и волненій и т. п. Это отсутствіе детальныхъ экскурсій освобождаетъ книгу отъ балласта разныхъ приложений и уклоненій, большею частію невыгодно отражающихся на ясности и сосредоточенности главнаго предмета, ведущихъ рѣдко къ вѣроятнымъ и всегда почти къ сомнительнымъ выводамъ. Охватывая предметъ цѣльно, всесторонне и сосредоточенно, трудъ автора получаетъ отъ этого характеръ авторитетнаго, капитальнаго и необходимаго для всѣхъ изучающихъ данную эпоху руководства, вродѣ настольной энциклопедіи или солиднаго научнаго курса. Всюду замѣтно, что авторъ вращается въ области предметовъ, долго имъ изучавшихся, духовно имъ пережитыхъ и изъ книгъ и источниковъ уже давно претворившихся какъ-бы въ собственное умственное казнохранилище автора, откуда онъ, какъ полный хозяинъ своего дѣла, свободно и властно, беретъ все, что ему надо въ данный моментъ и для извѣстной цѣли.

2) Содержанію книги вполне соотвѣтствуетъ ея *изложеніе*. Авторъ обладаетъ счастливымъ умѣньемъ давать краткія и яркія характеристики лицъ, партій и школъ, ихъ взглядовъ, настроеній,—подчеркивать характерныя детали, бросающія общій свѣтъ на цѣлыя группы явленій,—рисовать историческія перспективы, группировать и концентрировать доказательства, раскрывать генетическую и логическую связь идей и событій. Считаемо нужнымъ указать на эту особенность книги проф. Спасскаго, какъ на рѣдкость въ новѣй-

шихъ ученыхъ работахъ, имѣющихъ большею частью характеръ сборниковъ изъ частныхъ экскурсовъ съ расплывающимся въ этихъ околичностяхъ главныхъ предметомъ.

3) Въ тѣсной связи съ указанными двумя особенностями стоитъ и *методъ* труда проф. Спасскаго—чисто идеологическій, сосредоточивающійся преимущественно, если не исключительно, на идейной сторонѣ исторіи ученій о Св. Троицѣ въ первые четыре вѣка. То конечно не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что въ дѣйствительно исторической жизни—идеи, ихъ соотношенія и движенія являются уже конечнымъ порожденіемъ и завершительнымъ выраженіемъ многочисленныхъ, разнообразныхъ и сложныхъ факторовъ—этнографическихъ, географическихъ, политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ и пр. Въ отношеніи къ этимъ историческимъ факторамъ идеи являются уже послѣдними результатами той сложной, продолжительной, постепенной и незамѣтной работы, что служитъ какъ бы почвою, воздухомъ и свѣтомъ для порожденія и произростанія ихъ. Открытіе и уясненіе этихъ историческихъ производителей извѣстной идеологіи представляетъ задачу, хотя и въ высшей степени благодарную и плодотворную, но при настоящемъ состояніи науки едва-ли достижимую и весьма-весьма проблематичную,—большею частію приводящую только къ тому, что ярко очерченныя въ установившейся наукѣ контуры извѣстной идеологіи значительно ступшеваются, теряютъ отчетливость и лишаются отвлеченно-логической стройности системы, расплываясь въ разныхъ возможностяхъ и противозможностяхъ. Устранивъ изъ своей книги всю эту работу надъ изученіемъ жизненно-историческихъ факторовъ тринитарной идеологіи первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства, авторъ сосредоточивается на созерцаніи и изслѣдованіи только уже завершительнаго порожденія эпохи, ея такъ сказать цвѣтка, съ яркою окраскою и стройнымъ рисункомъ. Эта отвлеченно-логическая замкнутость идеологіи самой въ себѣ и ея отрѣшенность отъ общей жизненно-исторической почвы даетъ автору полную возможность начертать движеніе тринитарныхъ идей эпохи съ удивительною логичностью, ясностью и стройностью. Постановка извѣстнаго вопроса, уясненіе и раскрытіе его частныхъ сторонъ въ слѣдующей затѣмъ полемикѣ, рѣшеніе спора и возникновеніе новаго вопроса на почвѣ тѣхъ же логиче-

сихъ противоположностей и съ подобнымъ же движеніемъ его въ спорахъ и рѣшеніи и т. д.—вотъ метода автора, нѣсколько напоминающая діалектику Гегеля, примененную Бауромъ и его учениками къ церковной исторіи первохристіанства. Эта метода, повторю, дѣлаетъ книгу автора твореніемъ необычайно красивымъ и яркимъ съ формально-логической стороны, благодаря чему ее нѣтъ надобности читать и перечитывать, вся она прочитывается отъ начала до конца съ неослабно захватывающимъ интересомъ и сразу же укладывается въ памяти ясно и полно.

4) Объясненіе и основаніе указаннымъ особенностямъ книги проф. Спасскаго, думается, надо искать въ отношеніи автора къ *источникамъ* для изучаемаго имъ предмета. Слѣдуя общепринятому обычаю, авторъ изучаетъ предметъ, какъ говорится, въ его собственной скорлупѣ, т. е. вопросъ догматическій изслѣдуется главнымъ образомъ, если не исключительно, по первоисточникамъ, такъ или иначе, прямо или косвенно, относящимся къ той же догматической области. И такъ какъ эти первоисточники составляютъ необходимый ингредиентъ самого изучаемаго явленія, то авторъ волей—неволей самъ увлекается ими въ потокъ этихъ догматическихъ споровъ и смотритъ на нихъ глазами своихъ же первоисточниковъ. Другими словами: въ большинствѣ и вообще авторъ сообщаетъ лишь содержаніе своихъ догматическихъ первоисточниковъ, и ничего болѣе, но только въ цѣльномъ и сосредоточенномъ изложеніи,—даетъ научно-систематичный, продуманный и провѣренный сводъ этихъ первоисточныхъ сообщеній. Но самые эти первоисточники, какъ мы говорили уже, остаются внѣ научнаго эксперимента, безъ провѣрки и освѣщенія разными другими факторами исторической жизни эпохи. Поэтому, въ концѣ концовъ, приобретаемая въ ясности, стройности и логичности съ формальной стороны, трудъ автора теряетъ въ исторической жизненности освѣщенія предмета и отзывается нѣкоторою отвлеченностью со стороны содержанія.

5) Объ отношеніи труда проф. Спасскаго къ многовѣковой, разноязычной и едва не безпредѣльной *литературѣ* предмета считаю нужнымъ замѣтить, что по каждому частному вопросу авторъ не скупится указывать общія и спеціальныя изслѣдованія иностранныхъ (нѣмецкія, французскія, англій-

скія), большею частію сопровождадая ихъ краткими рекомендаціями знатока дѣла и тѣмъ самымъ давая неопытному читателю—неспециалисту возможность легко ориентоваться въ изученіи предмета. Въ отношеніи къ русской литературѣ по данному предмету трудъ проф. Спасскаго представляетъ болѣе широкую, болѣе обстоятельную и болѣе специальную разработку основы, заложенной учителемъ автора профессоромъ Лебедевымъ въ его докторской диссертациі. Въ этомъ можно прозрѣвать зачатокъ или намекъ русской церковно-исторической научной школы, за отсутствіе коей въ Россіи сдѣлалъ упрекъ покойный В. С. Соловьевъ въ некрологическомъ очеркѣ о проф. Болотовѣ.

Въ качествѣ представляющихся мнѣ недостатковъ книги нахожу нужнымъ указать только нѣкоторыя частности:

а) Въ объясненіи догматическихъ споровъ данной эпохи авторъ идетъ по проторенной уже дорогѣ александризма и антиохизма, аристотелизма и платонизма (филонизма и неоплатонизма), религіознаго мистицизма и научнаго рационализма. При этомъ остается совершенно непонятнымъ, почему авторъ настойчиво и съ очевидною преднамѣренностью отбрасываетъ такимъ же, если не большимъ, правомъ давности обладающую, но шире и глубже захватывающую и яснѣе освѣщающую догматическія движенія древне-христіанскія, теорію іудаизма и эллинизма или семитизма и европеизма аризма,—этихъ противоположностей, весьма ярко и разносторонне обнаружившихся какъ въ крайностяхъ идеологіи борющихся партій, такъ и въ этнографической и географической сторонахъ этой борьбы,—этого вѣкового и печальнаго проявленія вражды между семитизмомъ и антисемитизмомъ, продолжающагося и до настоящаго времени. Съ одной стороны: вѣками воспитавшіеся и въ плоть и кровь семита проникшіе монотеизмъ, деизмъ и номизмъ, доведенные до крайности системы въ раввинско-іудейской теологіи,—представленіе Бога безусловно самозаключенною и вѣдмѣрною личностію, безконечно и всецѣло отдѣленною отъ земли и чело-вѣка, суровая формула заповѣди на заповѣдь и правила на правила,—отсутствіе, смягчающаго противоположности, принципа любви и взаимоединенія людей съ Богомъ, міромъ и между собою. Съ другой стороны: политеизмъ, пантеизмъ, распространеніе и проявленіе Бога въ мірѣ частныхъ явле-

ній и индивидуальнихъ бытій, неустойчивость и подвижность идеи, религіозно-философскій мистицизмъ—у грековъ и римлянъ. Для семита трудно представлять Бога иначе, какъ въ видѣ строго опредѣленной и отграниченной отъ остального бытія личности, по отношенію къ коей всякое другое (Сынъ, Святыи Духъ) духовное существованіе можетъ быть мыслимо тоже только личностью и притомъ только виѣбожественною, небогомъ. Для европейца (грека и римлянина), напротивъ, мало симпатична идея ригористическаго покоя Божества, его самозаключенности и отрѣшенности отъ всѣхъ прочихъ бытій,—отсутствія самодвиженія и самодѣйственности въ Первоначалѣ всего, наподобіе движенія и дѣйственности мышленія, идей, рѣчи. Для убѣжденія въ этомъ достаточно сравнить напримѣръ Платона или стоиковъ съ раввинско-деистическою теологіей и трагическую борьбу эллинизма и іудаизма въ Филоновой философіи, гдѣ эти противоположности, несмотря на гениальный синтезъ ихъ въ идеѣ Логоса, всетаки обнаруживаются и сильно даютъ себя знать въ конечныхъ выводахъ и нравственно-религіозныхъ элементахъ системы. Съ точки зрѣнія этихъ національныхъ противоположностей становится понятною, на первый взглядъ странная, борьба изъ-за такихъ, повидимому, маложизненныхъ отвлеченностей и чисто школьныхъ тонкостей, какъ *ἐλόστασις* и *ὀββία*, *ὀμοιοῦσιος* и *ὀμοῦσιος* и пр.,—почему эта борьба отличалась такою страстностью, велась такъ долго и упорно, захватывала такіе широкіе круги. Дѣло тутъ, конечно, не въ томъ непосредственно и исключительно, что одна партія отстаивала интересы религіи, а другая отличалась научнымъ раціонализмомъ. Нельзя доказать, чтобы крайніе выразители одной противоположности, именно: Іустинъ, Лукіанъ, Арій, Несторій, при всей сухости и чисто семитическомъ раціонализмѣ въ теологіи, въ отношеніи религіозности стояли ниже представителей другой крайности: Оригена, Савеллія, Маркелла. Дѣло тутъ въ борьбѣ двухъ, національно различныхъ, направлений ума и сердца, двухъ философіи и логикъ, двухъ разныхъ умозрѣній и міровоззрѣній. Если для строго монотеистическаго, деистическаго и раціоналистическаго настроенія семита было неудобопредставимо единство Божества въ троичности лицъ, безъ выдѣленія Сына и Духа изъ божеской сущности въ рядъ небоговъ и тварей,—то для полите-

истической, пантеистической и мистической тенденціи европейца было трудно усвоить идею строго замкнутого въ своемъ отвлеченномъ единствѣ Божества, безъ проявленія Его жизни въ саморазвитіи своихъ силъ, непрестанномъ порожденіи идей и осуществленіи ихъ въ реальномъ мірѣ. Идея тринности божескихъ лицъ при сліяніи ихъ въ единствѣ божеской сущности или Троица въ Единицѣ—для однихъ и идея единства Божества при отграниченности трехъ особыхъ лицъ или Единица въ Троицѣ—для другихъ представлялись несоединимыми противоположностями, ведшими въ концѣ концовъ къ безбожію и отрицанію религіи воообще и христіанства въ частности. Отсюда легко и естественно объясняются всѣ прочія противоположности въ исторіи догматическихъ движеній древняго христіанства. Семитизмъ: Юстинъ, монархіанизмъ, субординаціонизмъ, динамизмъ, арианство и несторіанство,—европеизмъ: модализмъ, патрипассіанство, оригенизмъ, савелліанизмъ, маркелліанство. Антиохія сирская съ одной стороны и Александрія съ Константинополемъ — съ другой. У однихъ: преобладаніе раціонализма и резонерства, сухія формулы Аристотелевой логики и философіи, деизмъ и монотеизмъ равнинизма,—у другихъ: идеологія Платона, пантеизмъ стоиковъ, мистицизмъ Филона и Плотина. Контрасты на этой почвѣ могутъ быть разработаны гораздо шире и глубже,—особенно въ христологическихъ движеніяхъ. Невниманіе къ этой сторонѣ предмета представляется мнѣ тѣмъ менѣе понятнымъ, что уже въ самомъ Новомъ Завѣтѣ ясно сознава и точно выражена идея претворенія въ христіанствѣ эллина и іудея въ новочеловѣка по Христу и примиренія двухъ этихъ противоположностей въ новой твари по образу Адама Духовнаго,—что эта идея явно живетъ въ исторіи христіанства и воочію осуществляется до днесь, — что наконецъ она совсѣмъ не новостъ и въ наукѣ. Во всякомъ случаѣ новое и спеціальное освѣщеніе догматическихъ движеній въ первые вѣка христіанства съ точки зрѣнія противоположностей эллинизма и іуданзма мнѣ представляется дѣломъ весьма плодотворнымъ и многообѣщающимъ для уясненія древней церковной исторіи.

б) Недостатокъ спеціальнаго изученія греческой философіи, особенно Филона, нерѣдко приводитъ автора къ мало обоснованнымъ утвержденіямъ, напримѣръ:

Сужденіе Іустипа, что „еллинскіе философы и поэты дѣйствовали подѣ влияніемъ Логоса“ будто бы „это былъ крупный шагъ не только въ исторіи богословскаго творчества, но и въ исторіи общечеловѣческой мысли“ (стр. 12)... „Откуда возникаетъ, быть можетъ, единственное во всемъ мірѣ притязаніе, что все, что сказано гдѣ-либо хорошаго, принадлежитъ христіанамъ“ (стр. 13). Но это есть и у Филона по отношенію къ Моисею и Ветхому Завету.

Или будто бы „у Филона необходимость Логоса основывалась на понятіи о матеріи, какъ началѣ несомѣстимомъ или противоположномъ и даже самобытномъ въ отношеніи къ абсолютному“ (стр. 16).

Въ сужденіяхъ объ ученіи Иринея (на стр. 28—30) забывается новозавѣтное ученіе. Къ свидѣтельству Плутарха, что „Пивагоръ и Платонъ учили о нетлѣнни души“ авторъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „свѣдѣніе невѣрное, но важное, какъ свидѣтельство о существованіи этихъ идей во времена Плутарха“ (стр. 30 прим.), хотя Платонъ несомнѣнно училъ о безсмертіи души (Федонъ).

Многія, объясняемая авторомъ заимствованіями у Плотина, философскія мысли и сужденія церковныхъ писателей сводятся къ Филону.

На стр. 230 авторъ утверждаетъ: „у Таціана находимъ такія выраженія: „Богъ есть ипостась всего или *ипостась плотской матеріи* (?), т. е. сущность или существо плотской матеріи“, ссылаясь на *Orat. adv. Graecos* capp. 5—6. Невозможность такого ученія для Таціана явствуетъ уже изъ того, что онъ утверждаетъ: „*πνεῦμα ὁ θεός, οὐ διήκων διὰ τῆς ὕλης, πνεύματος δὲ ὑλικῶν καὶ τῶν ἐν αὐτῇ σχημάτων καταγευσθητός... πνεῦμα γὰρ τὸ διὰ τῆς ὕλης διήκων ἔλαττον ὑπάρχει τοῦ θειοτέρου πνεύματος*“ („Богъ есть духъ, не проникающій черезъ матерію... ибо духъ, проникающій черезъ матерію, есть меньше духа божественнаго“: какимъ же образомъ, какъ таковой духъ, Богъ можетъ быть существомъ или субстанціей матеріи?)... „Богъ—Владыка всяческихъ, самъ будучи ипостасью (очевидно: основаніемъ, зиждителемъ, творцомъ и первовиновникомъ) всего (универса), по отношенію къ еще не бывшему творенію былъ одинъ. Посему всякою силою и ипостасью (основаніемъ, зиждителемъ) онъ былъ какъ видимыхъ, такъ и невидимыхъ, съ Нимъ все: съ Нимъ посред-

ствомъ разумной силы существовалъ и самъ Логосъ, который былъ въ Немъ... и какъ Логосъ, въ началѣ рожденный, съ своей стороны породилъ твореніе насъ, *Самъ образовавъ для Себя матерію* (*αὐτὸς ἑαυτῷ τὴν ὕλην δημιουργήσας*)... *ибо не безначальна матерія какъ Богъ и по причинѣ этой безначальности сама не равносильна Богу, но сотворена и не отъ кого другого произошла, а произведена однимъ Творцомъ всего* (*οὐτε γὰρ ἀναρχον ἢ ὕλη καθάλας ὁ θεός, οὐδὲ διὰ τὸ ἀναρχον καὶ αὐτὴ ἰσοδύναμος τῷ θεῷ· γεννητὴ δὲ καὶ οὐχ ὕλο τοῦ ἄλλου γεγονοῖα μόνου δὲ ὕλο τοῦ πάντων δημιουργοῦ προβεβλημένη*)... Не существуя до своего рожденія, я не зналъ, кто я былъ, но только въ субстанціи (т. е. въ общей первоматеріи) *плотской матеріи* я существовалъ (*οὐκ ὦν πρὶν ἢ γενέσθαι, τίς ἦμην, οὐκ ἐγένωσκον, μόνου δὲ ἐν ὑλοστάσει τῆς σαρκικῆς ὕλης ὑπάρχον*)... Богъ, царь всего, когда восхоцетъ, возстановитъ видимую Ему одному субстанцію (*ὄρατὴν αὐτῷ μόνῳ ὑλοστάσει*—т. е. тѣла умершихъ людей) въ прежнее состояніе"... Какъ видимъ, здѣсь нѣтъ нигдѣ и намекъ на то, что Богъ есть ипостась или сущность или существо плотской матеріи, напротивъ—Онъ есть Творецъ матеріи, изъ которой образовалъ человѣка и міръ.

Стр. 479: „Изъ него (Василія Великаго) никогда не могъ выработаться епископъ въ родѣ Ефрема Сирина, *вся жизнь* котораго сосредоточивалась въ мистическихъ восторгахъ и религіозныхъ ощущеніяхъ“. Но Ефремъ Сириный епископомъ не былъ и, кромѣ молитвъ, стихотвореній и словъ, оставилъ обширные труды по толкованію Библии Ветхаго и Новаго Заѣта и догматико-полемицескіе.

Въ характеристикѣ Василія Великаго, какъ и въ сужденіяхъ объ аріанствѣ замѣтны нѣкоторыя преувеличенія.

в) Наконецъ филологическая сторона труда оставляетъ мѣсто для многихъ пожеланій.

Весь аппаратъ исчерпывается Пассовымъ, Stephanus'омъ и Sophocles'омъ, принадлежащими уже къ лексикографической археологіи (ср. стр. 371 пр. 2 и 495 пр. 2).

Филологическія экскурсіи объ *οὐσία*, *ὁμοιος*, *ὑλοστάσις* (стр. 229 сл.) слабы.

Разсужденіе объ *ὑλοστάσις* на стр. 230: „въ четырехъ мѣстахъ Новаго Заѣта (2 Кор. 9, 4; 11, 17; Евр. 1, 3; 11, 1), гдѣ встрѣчается это слово, оно вполне можетъ быть замѣ-

нено посредствомъ *ὀββία*“ далеко не можетъ быть выражено въ такой категорической формѣ и притомъ встрѣчается съ пятымъ, автору очевидно неизвѣстнымъ, мѣстомъ (Евр. 3, 14), гдѣ это слово не можетъ быть замѣнено посредствомъ *ὀββία*.

Крайне неприятное впечатлѣніе производитъ безграмотная орфографія греческихъ текстовъ въ родѣ *ἐκτεσις* на стр. 369, 379, 426, *μητοῦ* стр. 78, *ὄντως* стр. 7. 16 прим., *concedet* вм. *condecet* стр. 74 пр. 2, и др. мн. под. особенно во введеніи, такъ что по этой сторонѣ книга проф. Спасскаго представляетъ довольно рѣдкое исключеніе даже въ русской печати.

Но эти и подобныя, хотя и не малочисленныя, мелочи суть только безконечно малая величина въ общей суммѣ крупныхъ достоинствъ капитальной работы проф. Спасскаго, уже давно снискавшаго себѣ не только въ Россіи, но и за границую (своею магистерскою диссертациею объ Аполлинаріи) широкую и почетную извѣстность, почему увѣнчаніе его, искомою имъ, высшею ученою академическою степенью доктора церковной исторіи будетъ со стороны Совѣта только дѣломъ справедливости и долга.“

б) ординарнаго профессора по кафедрѣ метафизики и логики *А. И. Введенскаго*:

„Не нужно быть спеціалистомъ, чтобы оцѣнить по достоинству тѣ мастерскія, запечатлѣнныя печатью несомнѣннаго историческаго таланта, страницы диссертации, на которыхъ проф. А. А. Спасскій, отстранивъ увѣренною рукою знатока ложныя научныя гипотезы, предлагаетъ свое рѣшеніе того или другаго запутаннаго вопроса (см. особенно стр. 243 и слѣд., ср. стр. 419, 517, 597 и др.). Впечатлѣніе здѣсь у читателя получается приблизительно такое же, какъ у путника, который, проблуждавъ долгое время въ лѣсной чащѣ, по капризу извивающимся тропинкамъ, и почти уже утративъ надежду изъ нея выбратъся, вдругъ очутился у выхода, на открытомъ просторѣ съ широкой перспективой... Если Церковная Исторія доживетъ у насъ, на Руси, когда-нибудь до того времени, до какого уже давно дожили другія отрасли исторической науки,—до того времени, когда будутъ появляться и въ этой спеціальной области не только хорошія диссертации, какихъ уже и теперь достаточно, и не только плохіе учебники, въ которыхъ, къ сожалѣнію, также недостатка у насъ нѣтъ, но и умѣло составленныя хрестоматіи,—

то я думаю, что многія страницы изъ диссертациі проф. Спасскаго, отмѣченныя и другія, войдутъ туда и—по достоинству! Правда, чтобы попасть на эти, живописныя и полныя выразительной идейной красоты, научные оазисы, читателю реферируемой мною диссертациі приходится иногда поскучать надъ страницами сухаго историческаго матеріала, довольно громоздкаго, требующаго напряженнаго вниманія къ деталямъ. Но разъ авторомъ поселена надежда, что рано или поздно читатель его книги будетъ вознагражденъ за терпѣніе, послѣдній спокойно ждетъ и надежда обыкновенно его не обманываетъ. Именно благодаря этому, ученая диссертациія г. Спасскаго, написанная въ строго выдержанномъ стилѣ, читается съ интересомъ съ начала и до конца.

Не нужно быть, далѣе, специалистомъ, чтобы, просматривая въ диссертациі подстрочники, убѣдиться, что она выполнена вполнѣ добросовѣстно: цитациа обильная и обыкновенно изъ первыхъ источниковъ. Въ тѣхъ-же, сравнительно немногихъ, случаяхъ, когда авторъ слѣдуетъ указаніямъ другихъ ученыхъ, онъ всегда оговариваетъ это, иногда нарочито добавляя, что взятыя имъ въ томъ или другомъ случаѣ „изъ вторыхъ рукъ“ ссылки имъ самостоятельно провѣрены (см., наприм., стр. 530 и др.). Такъ же добросовѣстно поступаетъ онъ и въ отношеніи къ ученымъ, наприм., профессорамъ: Болотову (стр. 87), А. П. Лебедеву (стр. 598), Гарнаку и др., по слѣдамъ которыхъ иногда проходитъ. Не менѣе точенъ онъ и въ обильной цитациі изъ древне-греческихъ философовъ. По нѣкоторой прикосновенности къ этой сторонѣ диссертациі, рецензентъ особенно интересовался ею, время отъ времени дѣлая, въ оказавшихся подъ его руками книгахъ, справки. Но эти справки не дали его критицизму никакой пищи, въ желательномъ для всякаго критика-рецензента смыслѣ, то-есть въ смыслѣ отысканія неточностей, передежекъ и т. д.. А поле здѣсь, казалось бы, благодарное: вѣдь въ диссертациі проведено множество параллелей между ученіемъ выразителей церковнаго вѣросознанія и—древнихъ философовъ!

Не нужно, наконецъ, быть специалистомъ, чтобы понять и признать, что общее движеніе мысли въ диссертациі удовлетворяетъ сколько требованію научной объективности, столько-же и запросамъ православно-вѣрующаго сознанія.

Всѣ основныя пункты поставлены въ ней научно твердо, въ смыслѣ церковной догмы, и убѣдительно, въ смыслѣ философски-спекулятивно раскрытой, историко-генетическимъ методомъ, истины. При этомъ разграничительныя линіи между философскими спекуляціями, выросшими на почвѣ эллинизма, съ его пантеистическими основами, и христіанскою истинною повсюду, начиная съ прикосновенія христіанской мысли къ ученію о Логосѣ (стр. 15, 21 и др.), указываются совершенно опредѣленно. Главныя моменты изучаемаго въ диссертациі историческаго процесса т. е. дѣятельность Вселенскихъ соборовъ, перваго и втораго, вырисовываются въ сознаніи читателя въ особенно возвышенномъ свѣтѣ. „Церковная традиція“—пишетъ нашъ авторъ (213),—„справедливо возвела Соборъ 318-ти Отцовъ въ идеаль христіанскаго безпристрастія въ изслѣдованіи вопросовъ вѣры“. И онъ обосновываетъ этотъ свой тезисъ вполне убѣдительно. Похвала же безсмертному творенію Константинопольскаго Собора выражена такъ энергично, что трудно было бы что-либо прибавить: „по сравненію съ Никейскимъ символомъ, изданное отцами Константинопольскаго Собора вѣроизложеніе“—пишетъ авторъ (стр. 614),—„представляетъ собою художественное цѣлое, далеко превосходящее Никейскій символъ, какъ по выработанности формы, такъ и по богатству и цѣнности догматическаго содержанія“. И это положеніе нашъ ученый также вполне оправдываетъ. Читатель диссертациі съ полнымъ удовлетвореніемъ убѣждается изъ нея, что именно благодаря трудамъ нашихъ православныхъ богослововъ (иниціатива здѣсь принадлежитъ проф. А. П. Лебеву, заслугу котораго авторъ выставляетъ въ полномъ свѣтѣ, справедливо разсматривая его теорію, какъ „открытіе“, стр. 598), мы, православные, вполне можемъ признавать Никео-Константинопольскій символъ, вопреки мнѣніямъ нѣкоторыхъ западныхъ ученыхъ, не только подлиннымъ, но и удовлетворяющимъ всѣмъ, какъ научно-художественнымъ, такъ и религиознымъ требованіямъ и запросамъ. Это чрезвычайно важный результатъ, придающій диссертациі проф. Спасскаго большую, не только научную, но и церковно-практическую цѣнность.

На послѣднихъ страницахъ своей книги онъ пишетъ (стр. 647—651, *passim*):

„Окидывая ретроспективнымъ взглядомъ весь пройденный

путь, мы ставимъ послѣднюю точку съ невольнымъ уваженіемъ и удивленіемъ предъ той широтой мысли, глубиной содержанія и разнообразіемъ возрѣній, съ какимъ выступаетъ предъ нами богословское творчество древней церкви. Получивъ мощный толчокъ въ ученіи апологетовъ, впервые въ идеѣ Логоса объединившихъ христіанство и всю эллинскую культуру въ одно неразрывное цѣлое и въ Лицѣ Христа указавшихъ центръ интеллигентнаго развитія всего человѣчества, богословская мысль въ древней философіи нашла неисчерпаемый источникъ для теоретическаго выраженія своего собственнаго содержанія... Фактъ вліянія эллинской философіи на христіанство является нагляднымъ подтвержденіемъ той универсальности, въ какой съ самой первой поры выступаетъ христіанская религія на исторической сценѣ, ея необыкновенной способности воспринять въ себя всѣ лучшіе элементы современнаго ей міра, усвоить себѣ и связать съ собой неразрывною связью.

„Съ другой стороны, значеніе обсуждаемаго факта не должно быть и преувеличиваемо. При всемъ формальномъ сходствѣ между неоплатонизмомъ и христіанствомъ, въ ихъ конечныхъ итогахъ, въ самомъ существѣ ихъ ученія обнаруживается громадная разница... Въ этомъ отношеніи и самый фактъ вліянія эллинской философіи на церковную догматику получаетъ совершенно новый смыслъ. Онъ былъ не *превращеніемъ* христіанства въ эллинизмъ, а наоборотъ: *обращеніемъ эллинизма въ христіанство*. Метафизическія идеи философіи, пересаживаемыя въ христіанскую церковь, здѣсь перерождались и получали другой высшій и духовный смыслъ и, какъ въ другихъ областяхъ жизни, такъ и здѣсь, въ сферѣ философіи, христіанская религія извлекла всѣ свѣжіе соки, преобразовала ихъ сообразно своему собственному духу и усвоила себѣ, какъ принадлежащую себѣ собственность. Паденіе эллинской философіи, послѣдовавшее такъ быстро послѣ Плотина и Порфирія, объясняется не столько обилиемъ уадакомъ философскаго генія эллинизма, сколько именно тѣмъ опустошеніемъ, какое произвело въ немъ христіанство, отнявъ у него лучшіе элементы.

„При всемъ томъ, основной пунктъ христіанской религіи, — непоколебимая вѣра въ то, что Логосъ Божій, адекватное откровеніе Божества (Оригенъ и Аѳанасій) или Сынъ Божій

вторая ипостась св. Троицы (у Каппадокійцевъ) въ опредѣленный моментъ исторіи человѣчества сошелъ на землю, сдѣлался человѣкомъ, открывъ людямъ тайны царства Божія, основалъ Свою церковь на землѣ, пострадалъ за грѣхи рода человѣческаго, побѣдивъ смерть, и воскресъ изъ мертвыхъ, открывъ людямъ путь къ богоуподобленію и обожествленію не только по душѣ, но и по тѣлу,—этотъ пунктъ, лежащій въ качествѣ внутренняго мотива въ основѣ всѣхъ тринитарныхъ движеній, составлялъ исключительную особенность христіанскаго вѣроученія, совсѣмъ недоступную понятіямъ даже самыхъ возвышенныхъ и лучшихъ людей эллинизма. И при всемъ сходствѣ между нравственнымъ ученіемъ неоплатонизма и христіанства, этотъ пунктъ вносилъ коренное различіе въ самое поле нравственнаго міросозерцанія, замѣняя пессимизмъ, неволью просвѣчивавшій въ неоплатонизмѣ, возвышеннымъ и духовнымъ оптимизмомъ“.

Какъ видимъ, это сказано очень точно, глубоко и принципиально.

Вообще, оцѣнивая диссертацию проф. Спасскаго критеріями обще-научными, мы должны безъ колебанія признать ее по формѣ, то-есть по методамъ и приемамъ обработки, трудомъ научно-добросовѣстнымъ, а по содержанію, то-есть по установленнымъ въ ней результатамъ и по общему освѣщенію историческихъ перспективъ, трудомъ объективно-правильнымъ, удовлетворяющимъ запросамъ философски развитаго православнаго вѣросознанія.

Но, конечно, при чтеніи диссертации, у рецензента время отъ времени поднимались и возраженія.

Такъ, прежде всего, онъ пожалѣлъ, за себя и за другихъ, о томъ, что авторъ не фиксировалъ содержаніе своей диссертации въ формѣ отдѣльныхъ тезисовъ,—въ концѣ главъ, а еще лучше бы въ концѣ диссертации. При томъ обилии и чрезвычайномъ разнообразіи богословскихъ разномѣній изучаемой эпохи, которыя непрерывно показываются на поверхности историческаго потока творческой религіозной мысли и вновь падаютъ въ ея мистическія глубины, очень трудно слѣдить за ними и выполнять ихъ сравнительную оцѣнку. Параллельное же, въ формѣ тезисовъ, сопоставленіе этихъ разномѣній значительно помогло бы читателю въ нихъ ориентироваться. Желательно было бы также найти въ концѣ

книги хоть небольшой словарик—наибольше важных терминовъ, съ надлежащими сносками на страницы диссертации. Здѣсь же я долженъ съ сожалѣніемъ указать на то, что въ корректурномъ отношеніи диссертация крайне неисправна. На иныхъ страницахъ совсѣмъ не замѣтно корректорской руки. Это мелочь, конечно, но досадная, а иногда и очень.

Далѣе, рецензента настраивали нѣсколько оппозиціонно нѣкоторыя изъ замѣченныхъ въ диссертации характеристикъ выдающихся дѣятелей изучаемой въ ней эпохи. Особенно это слѣдуетъ сказать о характеристикѣ Василя Великаго (стр. 480 и слѣд.). Нельзя, конечно, отрицать права ученыхъ историковъ указывать, на основаніи источниковъ, тѣ или другія тѣневныя стороны даже и въ характерѣ людей, признанныхъ „великими“ и святыми. Но необходимо, чтобы эти указанія ставились всякій разъ въ правильную историческую перспективу. Къ сожалѣнію, нашъ авторъ, широко воспользовавшись этимъ правомъ относительно Василя Великаго (по его замѣчаніямъ, „это былъ скорѣе опытный дипломатъ и свѣтскій епископъ“, съ большимъ запасомъ „властолюбія“, „честолюбія“, „гордившійся своей ученостью“ и т. д.), не достаточно позаботился о томъ, чтобы не оставлять читателя подъ давленіемъ этихъ квалификацій и не показалъ, какъ стихійное, природное, такъ сказать *савловское* претворилось въ Василя Великомъ въ *павловское*, какъ проникновеніе благодатно-христіанскими началами выжгло въ душѣ его страстное и „свѣтское“ и какъ, вслѣдствіе этого, онъ поднялся на ступень признанной и исповѣданной Церковію святости... Обычный, характеризующій автора въ другихъ частяхъ книги научный тактъ, къ сожалѣнію, здѣсь нѣсколько измѣнилъ ему. Кое-что, въ исправленіе первоначальнаго впечатлѣнія, правда, на дальнѣйшихъ страницахъ имъ сказано. Но сказано, по крайней мѣрѣ, на мою личную оцѣнку,—недостаточно: первоначальные минусы не уравновѣшены позднѣйшими плюсами. Да и художественной цѣльности въ фигурѣ не получилось.

Наконецъ, мнѣ хотѣлось бы высказать и еще одно соображеніе,—уже общаго характера, относительно, такъ сказать, воплощенія въ книгѣ *идеи цѣлаго*. Существуетъ, какъ извѣстно, три типа обработки исторіи: хроникальная, прагматическая и философская. Трудъ автора, по методу и при-

мам обработки, можетъ быть поставленъ на переходѣ отъ второго типа къ третьему: хотя собственная задача автора состояла въ томъ, чтобы установить именно историческій прагматизмъ изучаемой эпохи, въ предѣлахъ своей темы, но онъ, какъ мы отчасти и видѣли, не чуждается и философско-идейнаго освѣщенія процесса, что выразилось всего яснѣе въ заключительныхъ страницахъ книги, приведенныхъ нами въ извлеченіи выше. И поскольку вопросъ идетъ объ идеѣ цѣлаго *въ чистой формѣ*, она, какъ я сказалъ, не возбуждаетъ возраженій: она ясна и опредѣленна. Но рецензенту не разъ, при чтеніи книги, приходилось пожалѣть о томъ, что, подъ пестрою тканью историческаго прагматизма, опредѣляемаго борьбою старыхъ традицій и новыхъ запросовъ, нерѣдко страстей и интригъ, идея цѣлаго недостаточно выступаетъ въ качествѣ *живого творческаго фактора процесса, его основнаго стимула и вмѣстѣ элективного принципа*, такъ чтобы читатель ясно видѣлъ,—по крайней мѣрѣ на существенныхъ, поворотныхъ пунктахъ процесса,—какъ живое, православно-христіанское сознание, побѣждая и отстраняя одно, ему инородное, претворяло въ свой составъ другое, сродное. Говоря иначе, читатель диссертациі, хотя и находитъ въ ней опредѣленную *чистую идею* процесса (особенно въ концѣ книги), но не видитъ *идеи-силы, какъ открывенія въ исторіи создающихъ ее высшихъ творческихъ началъ*, какъ бы мы ихъ не опредѣляли частнѣе. Конечно, рецензентъ сознаетъ, что онъ не въ правѣ ожидать полного удовлетворенія этихъ своихъ запросовъ отъ историко-прагматиста; но, съ другой стороны, дочитавъ до конца диссертацию, онъ очень пожалѣлъ о томъ, что сказанное на послѣднихъ страницахъ не прошло чрезъ всю книгу, начиная съ первыхъ, такъ чтобы идея не только объединяла и осмысливала съ высшей религіозно-философской точки зрѣнія, цѣлое, но выступала именно въ качествѣ творческой идеи-силы процесса.

Однако, все это, конечно, лишь мои *личные впечатлѣнія*, можетъ быть даже въ нѣкоторой степени и субъективныя. Притомъ вѣдь извѣстно, что высказывать пожеланія всегда гораздо легче, чѣмъ ихъ выполнять. Въ данномъ же случаѣ,—примѣнительно къ столь сложной, отвѣтственной и важной темѣ, какова тема диссертациі,—и особенно.

Если же, оставляя въ сторонѣ субъективную точку зрѣнія,

мы возвратимся къ объективной и примемъ во вниманіе то, что было уже сказано выше о достоинствахъ диссертациі, при оцѣнкѣ ея критеріями общенаучными, то *должны* будемъ, *безъ колебаній, признать трудъ проф. А. А. Спасскаго вполне удовлетворяющимъ той цѣли, для которой онъ представленъ въ Советъ Академіи, а его автора вполне достойнымъ утѣчнанія искомою имъ степенью Доктора Церковной Исторіи*“.

Справка: 1) § 142 устава духовныхъ академій: „Степени доктора богословія, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права, удостоиваются магистры богословія безъ устнаго испытанія, по представленіи напечатанной диссертациі или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлью полученія ученой степени“.—2) Профессоръ А. А. Спасскій степени магистра богословія удостоенъ Советомъ Московской Духовной Академіи 3 декабря 1895 года и утвержденъ въ означенной степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 30 января 1896 года за № 552.—3) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „удостоеніе степени магистра и доктора“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Советомъ Академіи.

Опредѣлили: Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ, утвердить экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи, магистра богословія, А. А. Спасскаго въ искомой имъ ученой степени доктора церковной исторіи и выдать ему дипломъ на означенную степень.

ХII. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„За выходомъ въ отставку заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ В. О. Ключевского и П. И. Цвѣткова въ Академіи въ настоящее время остаются свободными двѣ вакансіи ординарнаго профессора. Въ виду послѣдовавшаго въ настоящемъ собраніи Совета утвержденія въ степени доктора церковной исторіи экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи А. А. Спасскаго, состоящаго на духовно-учебной службѣ съ 16-го августа 1890 года и въ званіи экстраординарнаго профессора—съ 1 декабря 1897 года, считаю долгомъ предложить Совету Академіи войти въ обсужденіе вопроса объ избраніи профессора Спасскаго на одну изъ упомянутыхъ вакансій ординарнаго профессора“.

Справка: 1) § 45 устава духовныхъ академій: „Ординарные профессеры академіи должны имѣть степень доктора богословскихъ наукъ“.—2) По § 81 лит. в. п. 4 академическаго устава: „избраніе кандидатовъ на должности профессоровъ“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, на утверждение Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Избрать и просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи со дня избранія, т. е. съ 12 апрѣля 1907 года, экстраординарнаго профессора Академіи по каедрѣ общей церковной исторіи, доктора церковной исторіи, А. А. Спасскаго—въ званіи ординарнаго профессора Академіи.

XIII. Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи по каедрѣ церковной археологіи и литургики *А. П. Голубцова*: „Представляя труды свои, а именно: „Соборные Чиновники и особенности службы по нимъ“ (Москва. 1907 г.), „Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора“ (М. 1899), „Чиновники Холмогорскаго Преображенскаго собора“ (М. 1903) и „Чиновникъ Нижегородскаго Преображенскаго собора“ (М. 1905) на степень доктора, почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи дать дѣлу надлежащее движеніе“.

Справка: 1) §§ 142 и 81 лит. а. п. 6 устава духовныхъ академій.—2) Профессоръ А. П. Голубцовъ степени магистра богословія удостоенъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи 25 ноября 1901 года за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны“, Москва, 1891 года, и утвержденъ въ этой степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 10 января 1892 года за № 179.

Опредѣлили: Труды экстраординарнаго профессора А. П. Голубцова передать для рассмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по каедрѣ русской церковной исторіи *С. И. Смирнову*.

XIV. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ представляемыхъ на степень доктора трудовъ экстраординарнаго профессора Академіи А. П.

Голубцова онъ назначаетъ члена Совѣта—заслуженнаго ординарнаго профессора по каѳедрѣ церковнаго права *Н. А. Заозерскаго*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XV. Отношеніе И. об. Ректора Императорскаго Московскаго Университета отъ 3 апрѣля за № 1215:

„Въ послѣдствіе отъѣзда отъ 16 минувшаго марта, за № 335, имѣю честь увѣдомить Московскую Духовную Академію, что экстраординарный профессоръ Академіи, магистръ богословія Иванъ *Поповъ* съ разрѣшенія Г. Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ, сообщеннаго въ предложеніи отъ 30 минувшаго марта, за № 7485, принять въ число привать-доцентовъ Историко-Филологическаго Факультета Московскаго Университета по каѳедрѣ исторіи церкви. При этомъ прошу Академію не отказать выслать копію формулярнаго списка о службѣ профессора Попова, просимую отношеніемъ отъ 8 декабря 1906 года, за № 3328“.

Справка: Копія формулярнаго списка профессора И. В. Попова препровождена въ Университетъ при отношеніи отъ 7 апрѣля за № 449-мъ.

Опредѣлили: О принятіи экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ патристики И. В. Попова въ число привать-доцентовъ Императорскаго Московскаго Университета по каѳедрѣ исторіи церкви ввести въ формулярный о службѣ его списокъ.

XVI. Отношеніе Тамбовской Духовной Консистеріи отъ 26 февраля за № 3474:

„Тамбовская Духовная Консистерія, вслѣдствіе прошенія священника Димитрія *Рождественскаго*, честь имѣетъ препроводить при семь въ Правленіе Духовной Академіи дипломъ за № 589 и копію съ формулярнаго о службѣ списка вышеназваннаго священника Рождественскаго и просить о полученіи документовъ сообщить Консистеріи“.

Опредѣлили: Увѣдомить Тамбовскую Духовную Консистерію о полученіи кандидатскаго диплома и формулярнаго списка о службѣ состоящаго нынѣ и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества священника Д. В. Рождественскаго.

XVII. а) Отношеніе Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 23 марта за № 540 съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей Лаврской бібліотеки за №№ 677 и 806.

б) Отношенія:

1) Управленія Императорской Публичной Библіотеки отъ 24 января за № 107 съ препровожденіемъ рукописей за №№ 240 (Собр. графа Толстого отд. 2 № 460) и 356 (того же собранія и отдѣла № 296)—на трехмѣсячный срокъ.

2) Г. Директора Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ отъ 29 января за № 76 съ препровожденіемъ принадлежащихъ Музеямъ рукописей: а) изъ собранія Ундольскаго за №№ 301—1663 г. и 1026—XVIII вѣка и б) изъ собранія Тихонравова за № 29—XVIII вѣка, на трехмѣсячный срокъ.

3) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы отъ 12 февраля за № 293 съ препровожденіемъ принадлежащихъ Синодальной Библіотекѣ Милютинскихъ Четы-Миней за апрѣль мѣсяцъ и рукописи XVIII вѣка за № 926, на трехмѣсячный срокъ.

4) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 14 февраля и 4 апрѣля за № 321 и 649 съ препровожденіемъ рукописей Лаврской бібліотеки за №№ 11 и 79(87).

5) Правленія Ярославской Духовной Семинаріи отъ 17-го февраля за № 119 съ препровожденіемъ принадлежащихъ семинарской бібліотекѣ рукописныхъ проповѣдей Арсенія Мацѣевича въ 12 томахъ, на трехмѣсячный срокъ.

6) Совѣта Православнаго Братства св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго (въ г. Владимірѣ) отъ 27 марта за № 912 съ препровожденіемъ рукописи Древлехранилища за № 161.

Справка: Всѣ поименованныя рукописи, немедленно по полученіи, переданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую бібліотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVIII. Отношеніе Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета отъ 2 марта за № 1589:

„Вслѣдствіе ходатайства Историко Филологическаго факультета отъ 21-го февраля за № 34, по прошенію привать-до-

цента Вилинскаго, Правленіе Императорскаго Новороссійскаго Университета, согласно своему постановленію отъ 27-го февраля, имѣеть, честь просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи о разрѣшеніи удержать до 10-го мая сего года рукописи Академіи №№ 151а. и 151б. (Творенія Исаака Сирина), высланныя въ бібліотеку Университета для занятій Вилинскаго при отношеніи Совѣта Академіи 13-го октября 1906 года за № 1221“.

Опредѣлили: Увѣдомить Правленіе Императорскаго Новороссійскаго Университета, что со стороны Совѣта Академіи не встрѣчается препятствій къ удовлетворенію изложенной въ отношеніи просьбы.

XIX. Отношеніе Правленія Калужской духовной семинаріи отъ 10 апрѣля за № 158:

„Правленіе Калужской Духовной Семинаріи покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи, не найдетъ ли онъ возможнымъ выслать изъ фундаментальной академической бібліотеки на законенный срокъ одну книжку журнала *Revue de l' Orient chrétien* 10 (1905), необходимую для занятій преподавателя семинаріи И. Троицкаго. Такъ какъ указанныя цифры нумераціи книжки могутъ оказаться неточными (онѣ взяты только изъ указателя журнала *Byzantinische Zeitschrift*), то Правленіе Семинаріи считаетъ необходимымъ для точности прибавить, что преподавателю Троицкому нужна именно статья F. Nau, Le chapitre *Περὶ ἀναχωρητῶν ἀγίων* et les sources de la vie de sainte Paul de Thèbes“.

Опредѣлили: Выслать въ Правленіе Калужской духовной семинаріи, для научныхъ занятій преподавателя И. Троицкаго, 4-ю книжку журнала *Revue de l' Orient chrétien* за 1905 годъ, срокомъ на одинъ мѣсяць.

XX. Отношеніе Комитета Астраханской Общественной Библіотеки отъ 21 января за № 7:

„Комитетъ Астраханской Городской Общественной Библіотеки, состоящей подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича, поставилъ себѣ цѣлью способствовать обогащенію бібліотеки печатными произведеніями, по возможности, по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, такъ

чтобы каждое лицо, проживающее въ Астрахани, могло находить въ этой библіотекѣ возможно большее число печатныхъ произведеній, какъ для научныхъ работъ по той или другой специальности, такъ и для самообразованія; но, къ глубокому своему сожалѣнію, Комитетъ постоянно встрѣчаетъ препятствіе къ достиженію своей благой цѣли въ скудости тѣхъ денежныхъ средствъ, которыми онъ можетъ располагать.

Въ полной надеждѣ на просвѣщенное вниманіе Московской Духовной Академіи къ нуждамъ весьма скудной матеріальными средствами Астраханской Общественной Библіотеки, обогащеніе которой разнообразными печатными произведеніями крайне необходимо и желательно, особенно въ виду того, что библіотека эта находится въ такомъ отдаленномъ отъ центровъ просвѣщенія и полуазіатскомъ городѣ, какъ Астрахань, Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Московскую Духовную Академію: не найдетъ ли она возможнымъ пожертвовать въ Астраханскую Общественную Библіотеку возможно большее количество своихъ изданій“.

Опредѣлили: Предоставить редакціи академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“ выслать, по ея усмотрѣнію, въ Астраханскую Общественную Библіотеку тѣ изъ академическихъ изданій за прежніе годы, число экземпляровъ которыхъ въ редакціонномъ книжномъ складѣ превышаетъ спросъ книжнаго рынка.

XXI. Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Совѣта Миннеапольской духовной семинаріи отъ 27-го декабря за № 48:

„Совѣтъ Миннеапольской духовной Семинаріи, согласно опредѣленію своему отъ ноября за № 53, симъ честь имѣетъ принести сердечнѣйшую и глубочайшую благодарность Московской Духовной Академіи въ лицѣ Вашего Преосвященства, какъ представителя Академіи, за ея материнское отношеніе къ новоустроаемому дѣтищу русской православной духовной школы. Выславшіяся въ 1906 году книги: 12 томовъ твореній св. отца нашего Кирилла Александрійскаго (безъ 13-го тома) и 12 книгъ журнала „Богословскій Вѣстникъ“, Семинаріей получены и въ списокъ книгъ, оставленныхъ въ пользу Семинаріи бывшимъ Владыкою Сѣверо-Аме-

риканскимъ, Архіепископомъ Николаемъ, будутъ, послѣ переплетенія, включены.

Совѣтъ Миннеапольской духовной Семинаріи сознаетъ, конечно, что всѣ богатства присланнаго нынѣ на пользу Семинаріи богословскаго знанія не могутъ пойти въ оборотъ нынѣ же и тѣмъ болѣе въ полномъ ихъ объемѣ, но эти богатства, удѣляемыя отъ щедротъ старшихъ богословскихъ школъ на нужды меньшей, составятъ основной фондъ Семинаріи, необходимый ей въ недалекомъ, быть можетъ, будущемъ. Совѣтъ Семинаріи, вѣруя въ искренность сочувствія Академіи дѣлу возстановленія св. Православія и облика славяно-русской народности въ духовно и матеріально бѣдствующихъ выходцахъ въ С.-Америку изъ Австро-Венгрии, питаетъ увѣренность, что и въ наступающемъ 1907-мъ году Московская Духовная Академія, вслѣдъ за своимъ руководителемъ, Вашимъ Преосвященствомъ, Милостивѣйшій Владыко, не откажетъ присылать для пополненія бібліотеки Семинаріи свои достоуважаемыя изданія. Пока Семинарія не въ состояніи воздать Академіи денежно за ея помощь; но пусть покамѣстъ послужить въ отраду дѣятелямъ Академіи духовная радость получающихъ изданія ихъ и благодарность пользующихся ими нынѣ и въ будущія времена“!

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XXII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что бывший вольнослушатель священникъ *Николай Ремизовъ*, въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1906 года принятый, послѣ повѣрочныхъ испытаній, въ число казеннокоштныхъ студентовъ I курса Академіи, въ теченіи сентябрьской и январьской трети текущаго 1906—1907 учебнаго года сдалъ устныя испытанія по всѣмъ предметамъ I и II курса Академіи (за исключеніемъ психологіи, преподаватель которой находится въ заграничной командировкѣ) и получилъ слѣдующіе баллы:

а) по предметамъ I курса: библейской исторіи—5, введенію въ кругъ богословскихъ наукъ—5, метафизикѣ и логикѣ—4¹/₂, еврейскому языку—4+, древней гражданской исторіи—4¹/₂, новой гражданской исторіи—5, латинскому языку—4¹/₂ и нѣмецкому языку—4.

б) по предметамъ II курса: Священному Писанію Ветхаго Завѣта—5, общей церковной исторіи—5, исторіи филосо-

фіи—5, библейской археологіи—5, патристикѣ—5—, русской гражданской истори—5 и латинскому языку—5—.

Справка: Въ собраніи 21 сентября минувшаго 1906 года Совѣтомъ Академіи, по выслушаніи прошенія священника Ремизова, постановлено было: „1) Разрѣшить студенту священнику Николаю Ремизову, дѣйствительно въ теченіи двухъ учебныхъ годовъ усердно посѣщавшему академическія лекціи и представлявшему, хотя и неофициально, письменныя работы наравнѣ съ студентами Академіи, принятыми въ составъ I курса въ сентябрѣ 1904 года,—сдать нынѣ же переводныя испытанія по предметамъ I и II курсовъ Академіи, послѣ чего и имѣть сужденіе о зачисленіи его въ списки студентовъ III курса. 2) Временно, впредь до выясненія результатовъ означенныхъ переводныхъ испытаній, дозволить священнику Ремизову слушать лекціи и представлять семестровыя сочиненія наравнѣ съ студентами настоящаго III курса Академіи“ (Журналь № 27, ст. XIII. — Резолюція Его Высокопресвященства отъ 28 октября 1906 года за № 5160).

Опредѣлили: Зачислить священника Николая Ремизова въ списки студентовъ III курса Академіи, предоставивъ ему сдать переводный экзаменъ по психологіи въ будущемъ учебномъ году, по возвращеніи профессора П. П. Соколова изъ заграничной командировки.

XXIII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„21 сентября минувшаго 1906 года Совѣтомъ Академіи выслушано было прошеніе на мое имя священника Воскресенской Сергіевскаго Посада церкви, студента Виѣанской духовной семинаріи, *Александра Константиновскаго* слѣдующаго содержания:

„По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 6 сентября 1893 года, утвержденному Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ Сергіемъ 22 сентября того же года, я былъ принять (на основаніи § 115 уст. Дух. Акад.) въ число вольныхъ слушателей академіи и въ теченіи 189³/₄, 189⁴/₅, 189⁵/₆ и первой половины 189⁶/₇ учебн. гг. слушалъ лекціи по всѣмъ предметамъ академическаго курса, представлялъ наравнѣ со студентами академіи, поступившими въ 1893 году на I курсъ, въ назначенные Совѣтомъ Акаде-

ми сроки семестровыя сочиненія и проповѣди и сдать устныхъ испытанія по предметамъ первыхъ трехъ курсовъ. На четвертомъ курсѣ по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ мнѣ пришлось оставить свои учебныя занятія въ Академіи.—Нынѣ снова осмѣливаюсь покорнѣйше просить Васъ, Ваше Преосвященство, дать мнѣ возможность продолжить учебныя занятія въ Академіи до окончанія полного курса оной“; и,

по справкѣ, постановлено: „Разрѣшить священнику Воскресенской Сергіевскаго Посада церкви Александру Константиновскому нынѣ же сдать *пріемныя испытанія* для поступления въ число студентовъ Академіи по предметамъ, указаннымъ въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода отъ 2—22 марта 1904 года за № 1186, послѣ чего и имѣть сужденіе о зачисленіи его въ списки студентовъ IV курса Академіи“ (Журналь № 27, ст. XIV.—Резолюція Его Высокопреосвященства на журналѣ—отъ 28 октября 1906 года за № 5160).

Нынѣ священникъ Константиновскій, усердно посѣщавшій въ текущемъ учебномъ году академическія лекціи по предметамъ IV курса, сдать означенныя пріемныя испытанія и получили слѣдующіе баллы:

а) на *устныхъ испытаніяхъ*: по Священному Писанію Ветхаго Завѣта—5, Священному Писанію Новаго Завѣта—4, догматическому богословію—4—, общей церковной исторіи—4^{1/2}, и греческому языку—4+;

б) на *письменныхъ работахъ*: по нравственному богословію—4, философіи—4, и на поученіи—4+.

Долгомъ считаю довести о семъ до свѣдѣнія Совѣта Академіи“.

Справка: Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „зачисленіе въ студенты академіи“ отнесено въ разрядъ дѣль, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Священника Александра Константиновскаго принять въ число студентовъ Академіи, зачисливъ его въ списки IV курса.

XXIV. Разсуждали: о назначеніи премій изъ процентовъ съ капиталовъ: а) *Митрополита Московскаго Макарія*—за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Акаде-

ми и лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи и б) *Епископа Курскаго Михаила*—за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по Священному Писанію.

Справка: 1) Въ настоящее время въ распоряженіи Совѣта имѣются три премія Митрополита Макарія: *одна въ 485 руб.*—за лучшіе печатные труды наставниковъ Академіи и *двѣ, по 291 р. каждая*,—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи и *одна* премія Епископа Курскаго Михаила *въ 201 рубль.*—2) Въ собраніи Совѣта Академіи 6 февраля текушаго 1907 года на премію Митрополита Макарія *въ 485 рублей* представлены были труды ординарнаго профессора Академіи *М. М. Тарьева* („Отъ смерти къ жизни. Выпускъ первый. Живыя души. Очеркъ нравственныхъ силъ современной Россіи“) и экстраординарнаго профессора *А. А. Спасскаго* [„Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ (въ связи съ философскими ученіями того времени). Томъ первый. Тринитарный вопросъ (исторія ученія о св. Троицѣ)“, Сергіевъ Посадъ, 1906 г.], при чемъ первый, т. е. профессоръ *М. М. Тарьевъ*, представилъ къ настоящему собранію Совѣта заявленіе слѣдующаго содержания: „Проф. С. С. Глаголевъ рекомендовалъ Совѣту Академіи мое сочиненіе „Живыя души“, какъ заслуживающее преміи. Имѣю честь заявить Совѣту, что я отказываюсь отъ преміальнаго конкурса.“—3) Къ соисканію двухъ премій того же Митрополита Макарія *по 291 р.* допущены были магистерскія диссертациі воспитанниковъ Академіи: экстраординарныхъ профессоровъ Академіи *П. П. Соколова* („Вѣра. Психологическій очеркъ“. Москва. 1902 г.) и *С. И. Смирнова* [Духовный отецъ въ древней восточной церкви (Исторія духовничества на Востокѣ). Часть I. Періодъ вселенскихъ соборовъ. Сергіевъ Посадъ, 1906 г.] и помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи *М. И. Бенеманскаго* („*Ὁ πρῶτος νόμος* Императора Василия Македонянина. Его происхожденіе, характеристика и значеніе въ церковномъ правѣ. Выпускъ первый“. Сергіевъ Посадъ, 1906 г.).—4) На премію Епископа Курскаго Михаила *въ 201 рубль* въ томъ же собраніи Совѣта представленъ былъ трудъ заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи (въ отставкѣ) *Гр. А. Воскресенскаго* подъ заглавіемъ: „Древнеславянскій Апостолъ. Выпускъ 2-й. Посланіе Святаго Апо-

стола Павла къ Коринѣянамъ I-е по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго апостольскаго текста съ разночтеніями изъ пятидесяти семи рукописей Апостола XII—XVI в.в.“ Сергіевъ Посадъ, 1906 г.—5) Правиль о присужденіи премій Митрополита Московскаго Макарія—а) п. 13: „Черезъ два мѣсяца послѣ январскаго засѣданія Совѣта, въ мартовскомъ засѣданіи происходитъ обсужденіе достоинствъ представленныхъ на премію сочиненій и присужденіе самыхъ премій;—б) п. 15: „Въ томъ же засѣданіи Совѣта рѣшается вопросъ, какое изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, заслуживаетъ преміи“.—6) Положенія о преміи Епископа Курскаго Михаила § 9: „Въ мартовскомъ засѣданіи Совѣта происходитъ обсужденіе достоинства сочиненій, представленныхъ на соисканіе преміи, и присужденіе премій“.—7) Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058: „присужденіе премій за ученые труды на предложенныя отъ академіи задачи“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательнo рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Премію Митрополита Московскаго Макарія въ 485 рублей за лучшіе печатные труды наставниковъ Академіи присудить экстраординарному профессору Академіи А. А. Спасскому; двѣ преміи того же Митрополита Московскаго Макарія за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи, по 291 р. каждая,—экстраординарному профессору С. И. Смирнову и помощнику секретаря Совѣта и Правленія Академіи М. И. Бенеманскому; премію Епископа Курскаго Михаила въ 201 р.—заслуженному ординарному профессору Академіи (въ отставкѣ) Гр. А. Воскресенскому, о чемъ и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

XXV. О вызовѣ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ составъ новаго (LXVI) академическаго курса.

Справка: 1) § 109 устава духовныхъ академій: „Совѣтъ академіи предъ началомъ академическаго года, по расчисленіи, сколько изъ какой семинаріи предполагается нужнымъ вызвать лучшихъ воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго курса, представляетъ, въ опредѣленномъ по § 81 порядкѣ, Святѣйшему Синоду о вызовѣ таковыхъ въ